

Е. О. Воронцова, О. В. Рябов

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИВАНОВЦЕВ
О РОДИНЕ И ОТЕЧЕСТВЕ
(К вопросу о гендерных аспектах патриотизма)**

Патриотизм — это необходимое условие существования политического целого. Интерес к патриотическому воспитанию, который в последние годы проявляют власти и на федеральном, и на местном уровне, следует лишь приветствовать. К чувству патриотизма часто апеллируют политики (в том числе региональные), рассматривая его в качестве важнейшего мобилизационного фактора не только во время войны, но и, скажем, в периоды выборных кампаний или призыва в Вооруженные Силы. Однако для того, чтобы программы патриотического воспитания достигали нужного эффекта, необходимо отчетливо понимать, какое содержание в это привычное слово вкладывают россияне. В самом широком смысле патриотизм определяется как любовь к Родине или Отечеству; чаще всего понятия Родины и Отечества рассматриваются в качестве синонимов¹. Но так ли это? Приведем вначале высказывание Д. Ранкура-Лаферьера: русским свойствен не патриотизм, а, скорее, матриотизм. Русские патриоты в глубине души остаются матриотами; русское «я» смешивается с Россией-Матушкой². Не разделяя иронии американского исследователя, мы вместе с тем считаем вопрос о соотношении понятий Родины и Отечества очень важным, тем более что в русской социально-политической мысли существует давняя традиция их разведения. Например, Г. Федотов пишет: «Родина, материнство связаны с языком, с песней и сказкой, с народностью и неопределимой, но могущественной жизнью бессознательного. Отечество, отцовство — с долгом и правом, с социально-государственной, сознательной жизнью»³. Мать и отец вводят ребенка в сферу национальной культуры; при этом «от матери ребенок слышит первые слова на родном, “материнском”, языке, народные песни и сказки, первые уроки религии и жизненного поведения. Отец вводит отрока в хозяйственный и политический мир: делает его работником, гражданином, воином. Разделение между рациональным и иррациональным содержанием культуры до известной степени совпадает с различием материнского и отцовского в родовой и национальной жизни. <...> Не совершая насилия

© Воронцова Е. О., Рябов О. В., 2007

Впервые опубликовано в альманахе «Граница» (Иваново, 2007. Вып. 1).

¹ О проблемах определения патриотизма см.: *Рябов О. В., Карманова Д. А.* Философия патриотизма: К проблеме аспектизации // Философское осмысление социально-экономических проблем / Под ред. В. Е. Давидовича, Е. Ю. Леонтьевой. Волгоград, 2006.

² *Rancour-Laferriere D.* The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. New York; London, 1995. P. 138, 225; *Ранкур-Лаферьер Д.* Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности. М., 2003. С. 66.

³ *Федотов Г. П.* Сумерки отечества // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: (Избр. ст. по философии русской истории и культуры): В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 324—325.

над русским языком, легко убедиться, что отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать с матерью-землей»⁴.

Иными словами, Отечество обозначается как мужское, отцовское и ассоциируется с публичным, политическим; Родина — с материнским, женским, этническим. Аналогичные идеи можно встретить и у других известных представителей социально-политической и философской мысли в России⁵. Необходимо подчеркнуть, что такого рода умозрительные идеи стали результатом философского анализа отдельных мыслителей, однако исследования того, что думают по поводу понятий Родины и Отечества русские, россияне, еще не проводились. Анализ данного аспекта проблемы патриотизма — что же выступает предметом патриотических чувств и поступков, чем различаются представления о Родине и Отечестве у граждан современной России — и является целью нашего исследования. В результате его мы бы хотели получить ответы на следующие вопросы. Разделяют ли россияне мнение о том, что «Отечество» и «Родина» обозначают различные аспекты национального бытия? Согласны ли они с тем, что первое соотносится с мужским (отцовским) и политическим, а второе — с женским (материнским) и этническим? Наконец, кто считается «детьми» Родины-Матери?

Вначале несколько слов о методологии. Одна из важнейших методологических проблем в данном случае заключается в определении природы Родины и Отечества. В современных социальных теориях могут быть выделены три подхода к решению этой проблемы. Один из них предполагает эссенциализацию национальных концептов; нередко они рассматриваются как выражение мистической сущности, духа нации. Другой подход основан на конструктивистской парадигме; к примеру, И. Сандомирская формулирует свое понимание природы Родины следующим образом: «Было бы большой ошибкой думать <...> что Матушка-Россия есть сугубо “народный”, выдвинутый “инициативой снизу” концепт естественного патриотизма масс. Гораздо разумнее считать его изобретением культурной элиты, которая прибегла к риторике Матушки-России в ходе патриотической пропаганды во время войны 1812 года»⁶.

Наиболее убедительным нам представляется подход этносимволизма, который стремится избежать крайностей эссенциалистского и конструктивистского направлений. Так, Э. Смит, с одной стороны, соглашается с тем, что каждое новое поколение дает новые формулировки национальной идентичности⁷.

⁴ Федотов Г. П. Новое отечество // Там же. Т. 2. С. 252.

⁵ См. об этом: Рябов О. В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. См. также книгу этого автора «“Россия-Матушка”. Национализм, гендер, война в России XX века» (готовится к изданию).

⁶ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. <http://www.rus-lang.com/education/discipline/PR/sl/> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁷ «Нельзя сказать, что у каждого сообщества есть только одно “этническое прошлое” или что представления последующих поколений этого сообщества остаются неизменными» (Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 90).

С другой стороны, по мнению британского исследователя, отбор и переработка традиций происходят в строгих рамках, определяемых культурой данного народа: его языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями и т. д.⁸ Помимо этого, необходимо учитывать, что «процесс отбора традиций сообщества и их интерпретаций нельзя просто свести к интересам и нуждам конкретных элит и нынешних поколений»⁹; по его выражению, этническая символическая коммуникация — это коммуникация между мертвыми и живыми¹⁰.

Соглашаясь со многими своими оппонентами в том, что нация возникает в эпоху Модерности, Э. Смит в то же время пишет: «Выступая против социального конструктивизма и изобретения как надежных объяснительных категорий, я не собираюсь отрицать множественные попытки “конструирования” и “изобретения”. Моя мысль состоит лишь в том, что для того, чтобы увенчаться успехом, такие попытки должны основываться на важных социальных и культурных связях, существовавших ранее»¹¹.

Действительно, «Родина» и «Отечество» обладают изменчивым и ситуативным характером, что обусловлено в том числе тем обстоятельством, что за интерпретации этих, столь значимых в политической мифологии российского общества, концептов ведется острая борьба. В то же время «Родина» и «Отечество» представляют собой образно-символическое выражение единства нации, будучи частью мифосимволического комплекса отечественной культуры.

Другая теоретическая проблема, связанная с объяснением особенностей восприятия Родины и Отечества, предполагает привлечение методологии гендерных исследований. Основная теоретическая посылка гендерного анализа национализма заключается в том, что гендерный и национальный дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Процесс репрезентации нации при помощи женских или мужских образов — это отнюдь не случайность или поэтическая вольность; он отражает принципиальные закономерности функционирования как национального, так и гендерного дискурса.

Прежде всего, важной функцией гендерного дискурса в национализме является «очеловечивание» нации, приближение ее к повседневному опыту индивида¹². По И. Сандомирской, «абстрактный общественный долг приобретает облик поэтически очеловеченной, зовущей на подвиг Родины-матери, государственная служба уподобляется служению “отцу”-Отечеству, и эти отвлеченные общественные обязанности становятся понятны с простой человеческой точки зрения, применимы к масштабу одной жизни, сопоставимы с размерами личной памяти, с опытом детства и юности, с ценностями частного, индивидуального существования»¹³.

⁸ Там же. С. 242. Дж. Армстронг использует термин «мифосимволический комплекс» (*Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982*).

⁹ *Смит Э.* Указ. соч. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 331—332.

¹¹ Там же. С. 243.

¹² *Eriksen T. H. The Sexual Life of Nations: Notes on Gender and Nationhood // Kvinne, køn og forskning. 2002. № 2. [http://folk.uio.no/geirthe/Sexual life.html](http://folk.uio.no/geirthe/Sexual%20life.html) (последнее посещение в декабре 2006 г.).*

¹³ *Сандомирская И.* Указ. соч.

Кроме того, напомним, что сама идея национального сообщества выражает отношения родства. Аналогия с семьей — это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Значимость идеи родства и семейной метафоры для национализма получила широкое освещение в академической литературе. В рамках же гендерных исследований акцентировано внимание на том, что тем самым нация представлена в качестве некой формы взаимодействия мужского и женского начал¹⁴ (потому в репрезентации нации активно используются такие атрибуты мифологии семьи, как картины совместного ведения хозяйства, обеспечения защиты и питания, рождения и воспитания потомства и др.).

Очевидно, представления о стране как союзе двух начал, мужского и женского, берут начало в идее иерогамии — священного брака Правителя и Земли. Метафора брака правителя и его мистического тела известна и на Древнем Востоке, и в античном мире, и в средневековье¹⁵; проекцией идеи иерогамии на религиозные представления стал, как отмечает К. Юнг, миф о священной свадьбе Жениха Христа и Невесты Церкви¹⁶. В качестве модуса этой идеи мы предлагаем рассматривать представления о родине и отечестве как двух ипостасях нации.

Настоящая статья отражает результаты исследования, осуществленного летом 2006 года в г. Иванове; оно проводилось в форме анкетирования. Выборка составила 100 человек в возрасте от 18 лет, из них мужчин — 48, женщин — 52. В основу выборки положен квотный принцип; в состав квоты вошли такие характеристики респондента, как пол, возраст, образование, политические предпочтения.

Прежде всего отметим: результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что ивановцы различают концепты «Родина» и «Отечество», вкладывая в них разный смысл.

Во-первых, респондентам было предложено соотнести ряд социальных и природных феноменов либо с Родиной, либо с Отечеством; оказалось, что с первой ассоциируются береза (83 %), Волга (71 %), сказки (61,2 %), русский язык (52,5 %), церковь Покрова-на-Нерли (41,1 %); со вторым — армия (70,7 %), солдат (62 %), флаг (56 %), гимн (55,6 %), закон (50,5 %), президент (49 %), ГУЛАГ (35,7 %).

Как это можно интерпретировать? Вероятно, оппозицию понятий Родины и Отечества современные россияне действительно воспринимают как оппозицию этнического и политического в нации. «Родина» соотнесена скорее с этнической и потому приватной составляющей (земля, природа, язык, коллективное

¹⁴ *McClintock A.* «No Longer in a Future Heaven»: Nationalism, Gender and Race // *Becoming National: A Reader* / G. Eley, R. G. Suny (Eds.). New York, 1996. P. 262.

¹⁵ *Kantorowicz E. H.* *The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology.* Princeton, 1957. P. 212.

¹⁶ *Юнг К.-Г.* *Душа и миф.* Киев, 1996. С. 130.

Социологические исследования: методология и методика

(Гендерные аспекты этнических стереотипов)

бессознательное), «Отечество» — скорее с политической и потому публичной (история, политическая сфера, идеология, рациональное)¹⁷.

Во-вторых, Родина и Отечество получают вполне определенную гендерную маркировку: первая маркируется как женское (67 %), второе — как мужское (63 %). Об этом же свидетельствуют и те характеристики, которыми наделяются исследуемые феномены в ответах респондентов. С Родиной ассоциируются такие качества, как природное (69 %), духовное (52 %), эмоциональность (47 %), интуиция (36 %). Отечеству же приписываются традиционно маскулинные сила (54 %), рациональность (38 %), логика (31 %), независимость (35 %) (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики, присвоенные респондентами Родине и Отечеству, %
(n = 100)

Характеристика	Родина	Отечество	И то, и другое	Затрудняюсь ответить
Эмоциональность	47,0	7,0	20,0	24,0
Логика	9,0	31,0	24,0	33,0
Мужское	8,0	63,0	9,0	18,0
Природа	69,0	5,0	20,0	4,0
Рациональность	7,0	38,0	18,0	34,0
Коллектив	23,0	24,0	34,0	17,0
Духовное	52,0	21,0	20,0	5,0
Культура	46,0	22,0	28,0	3,0
Личность	28,0	22,0	32,0	16,0
Интуиция	36,0	9,0	8,0	41,0
Женское	67,0	5,0	4,0	23,0
Телесное	25,0	9,0	16,0	47,0
Сила	13,0	54,0	24,0	7,0
Независимость	16,0	35,0	35,0	12,0
Слабость	19,0	8,0	13,0	58,0
Покорность	26,0	6,0	12,0	54,0
Пропуск ответа	7,0	7,0	24,0	21,0

¹⁷ Подобная этнизация фемининного обнаруживает себя и в аллегориях нации. В работе Дж. Моссе показано, что в XIX—XX веках главным национальным символом был мужчина, ибо именно мужчина воплощал качества, которые в империалистическую эпоху обретают особую ценность: самоконтроль, воля, динамизм, агрессивность. Женские образы были призваны персонифицировать другую сторону национальной жизни — нечто незыблемое, те вечные ценности, которые противостоят «современной порочной цивилизации»; одно из проявлений этого исследователь усматривает в том, что если символизирующие страну мужчины были облачены в современный костюм (например, Джон Буль в Англии), то женщины — символы страны были представлены в античных («Британия») или средневековых («Германия») одеяниях (*Mosse G. L. Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe. New York, 1985. P. 23, 64.* Эти закономерности отмечают и другие авторы, напр.: *McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender and Sexuality in the Colonial Conquest. New York, 1995.*)

Заметим, что такого рода соотнесение дает любопытный материал о содержании гендерных стереотипов и их распространенности среди респондентов. В частности, женщина ассоциируется с приватной сферой жизни, прежде всего с материнством, заботой о доме, мужчина — с публичной, а также с силой и рациональным¹⁸.

Любопытен еще один аспект. «Мисс Россия» не была соотнесена респондентами ни с Отечеством (что понятно), ни с Родиной. Иными словами, Родина — это не просто женское, а именно материнское (еще один фактор обусловлен, очевидно, национальной идентичностью: «западность» происхождения конкурсов красоты не позволяет связывать красавиц с Родиной).

В-третьих, мы рассматривали гипотезу о том, что Родина и Отечество есть выражение материнского и отцовского начал. Образ России-Матушки — это один из наиболее узнаваемых национальных символов и в нашей стране, и за рубежом. Он широко используется в политическом и национальном дискурсе и сейчас¹⁹. Насколько представления о материнской сущности страны распространены в сознании современных россиян, русских?

Как показало исследование, именно образу матери половина респондентов отдавали предпочтение при выборе символа России, в то время как образу отца — 4 % («молодая девушка», «ребенок» и «мужчина-воин» получили соответственно 16 %, 13 % и 12 %).

Кстати, о том, как понимают респонденты метафоры материнского и отцовского отношения к детям, свидетельствуют и их ответы на вопрос, какие социальные отношения они могут сравнить с первым, а какие — со вторым. Оказалось, что с материнским ассоциируется отношение церкви к прихожанам (53,0 %) и школы к ученикам (54 %); с отцовским — отношение армии к солдатам (66,0 %) и государства к гражданам (54 %)²⁰.

¹⁸ О том, что респонденты соотносят мужское начало с властью и силой, косвенным образом могут свидетельствовать и их оценки, данные политическим партиям современной России. Так, мужские характеристики чаще всего приписываются «Единой России». Самой «немужественной» оказалась партия «Яблоко». ЛДПР, «Родина» и КПРФ заняли нейтральные позиции.

¹⁹ См. об этом книгу О. В. Рябова ««Россия-Матушка». Национализм, гендер, война в России XX века».

²⁰ Любопытными представляются и данные по проблеме, тесно связанной в национальном дискурсе с вопросом о материнской сущности России — вопросом о женственности русской души. На вопрос «Какие качества присущи России?» респонденты (русские по национальности) ответили «эмоциональность» и «милосердие» (в то время как Западу они атрибутировали «индивидуализм», «рациональность», «независимость»). Среди тех качеств, которых не хватает русским для достойной жизни, были указаны рациональность, дисциплинированность, уверенность. Нет сомнений, что «западные» качества маркируются в качестве маскулинных, в то время как «русские» — в качестве фемининных (в том числе и самими респондентами). Однако те же респонденты на вопрос, какая нация является самой мужественной, уверенно называют русских. Далее, заметим, по степени мужественности идут чеченцы, за ними немцы, а замыкают список из девяти предложенных наций — итальянцы и поляки.

Заслуживает внимания и тот факт, что сам термин «Родина-Мать» вызывает устойчивые ассоциации прежде всего с периодом Великой Отечественной; в качестве же наиболее известных примеров визуального воплощения России как Родины-Матери респонденты называют плакат И. Тоидзе «Родина-Мать зовет!» (1941) и скульптуру Родины на Мамаевом кургане (Е. Вучетич и др., 1967). При объяснении этого факта следует учитывать, очевидно, два обстоятельства: силу художественного воздействия и значимость отмеченных образов Великой Отечественной войны в коллективной идентичности россиян, с одной стороны, и практическое отсутствие (во всяком случае, в официальном дискурсе) материнского образа России в постсоветский период — с другой²¹.

Наконец, в-четвертых, несколько слов о проблеме, которая представляется важной для понимания этнонациональных процессов в Ивановской области. Респондентам предлагалось ответить на вопрос, могут ли представители нерусских этносов считать Россию Родиной-Матерью (табл. 2). Как известно, «Родина-Мать» — это один из тех символов национального единства, которые призваны сделать из суммы индивидов нацию. Однако риторика включения неразрывно связана с риторикой исключения: Чужой — это очень значимый компонент дискурса о Родине. Исследуемый символ устанавливает норму и девиацию, тем самым определяя Своих и Чужих и проводя внутренние границы. Соответственно, в национальном дискурсе идет соперничество за то, чтобы установить, кого именно считать «подлинными детьми» Родины-Матери, кого — «неверными детьми» и каковы критерии этого различия. В политической истории России «неверными детьми» называли «диссидентов» и «западников», «троцкистов» и «врагов народа», «демократов» и «олигархов». Кроме того, подобной инаковизации в разных типах дискурса подвергались представители различных этнических и конфессиональных групп.

Таблица 2

Отношение респондентов к вопросу о том, могут ли другие национальности РФ, кроме русских, считать Россию Родиной-Матерью, % (n = 100)

Ответ	Пол		Возраст, лет		
	Мужской (n = 48)	Женский (n = 52)	18—30 (n = 34)	31—45 (n = 34)	46 и старше (n = 32)
Да	31,3	25,0	20,6	29,4	34,4
Скорее да, чем нет	16,7	36,5	14,7	32,4	34,4
Нет	25,0	9,6	26,5	11,8	12,5
Скорее нет, чем да	18,8	25,0	26,5	23,5	15,6
Затрудняюсь ответить	8,2	3,9	11,7	2,9	3,1
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

²¹ Рябов О. В. «Родина-Мать»: история образа // Женщина в российском обществе. 2006. № 3.

Результаты нашего исследования показывают, что в целом «Родина-Мать» выступает в качестве символа, объединяющего всех россиян вне зависимости от этнической принадлежности.

Вместе с тем можно заметить расхождения в ответах в зависимости от возраста респондентов. Так, молодые ивановцы высказывают более негативные оценки, в то время как респонденты постарше считают, что и другие этносы РФ могут относиться к России как к Родине-Матери. Наверное, это можно объяснить тем, что у поколения, жившего в СССР, сложилось более доброжелательное отношение к различным народам. Для молодого же поколения национальность становится одним из главных инструментов построения иерархии Своих и Чужих. Очевидно, это показывает и перспективы использования материнского образа России, его роль в создании новой, постсоветской общероссийской идентичности.